

Больше всего в эти зябкие дни, когда тепло то и дело спорило с холодом, Баки любил бывать под недолгими лучами солнца на бодрящем свежем воздухе. Они выбирались оба на расстеленные волчьи шкуры, и занимались каждый своим делом, но всё чаще оно превращалось в одно, разделенное на двоих. В этот раз Стив растягивал крепко сжатую в кулаках грубо выскобленную кожу, пока Баки раскраивал её на куски и неровные ленты: им нужны были новые ножные обмотки и, возможно, пояс и ножны для друида. Баки хотел, чтобы при том всегда на поясе был охотничий нож.

Друид набирался сил с каждым днём, не прошло и полного оборота луны, когда он попросил разрубить свои рогатины и спалил их в огне очага. Он, тощий и костлявый, часто ходил вокруг, несложно разминаясь. Баки не мог не любоваться, как сухожилия и едва заметные мышцы ходят под тонкой кожей, натягивая её. Он мог пересчитать каждую тонкую косточку рёбер, когда Стив задирает руки и лицо вверх, к солнцу, и подолгу стоял так с закрытыми глазами, в одних холщовых штанах, медленно дыша — словно пил солнечные лучи, наполняя себя ими. Баки перестал прятаться: смотрел до тех пор, пока друид, хмуря бровь и дёргая плечом, с вызовом не перехватывал взгляд. И только тогда Баки тихо усмехался и отвлекался на что-то другое, своё. В голове билась только одна мысль: ему не надоест смотреть никогда. Отросшие волосы друида, раньше солнечные, как солома, а теперь пыльно-серые, чуть кудрявились на концах, а веснушки, рыжеватые полупрозрачные пятнышки, успели усыпать весь нос. Длинные пальцы, никогда не державшие меча. Тонкие хрупкие лодыжки и коленки — даже они сводили Баки с ума. Хотя, если признаться себе от всего сердца, Стив был тощ и неинтересен по его прежним представлениям о мужской красоте. Баки всегда считал красивым Брока — и себя, конечно. Мощное, натренированное тело, сильные мозолистые пальцы на широкой ладони и щетина такая, что можно уколоться. Бугры мышц, играющие под татуированной кожей. Тёмные волосы на груди и животе, во впадинах под руками. Грубая, животная сила. Баки всегда будоражила чужая и собственная красота. Всегда хотелось бросить вызов, сцепиться в драке, проверить, кто сильнее. Зачастую после таких драк можно было придавить противника в неловкой позе, шутливо потереться бёдрами, когда член уже вставал от тесной возни и нахлынувшего адреналина. Никто Баки не отказывал, будь то слуги или новенький юнец из их малого войска, вздумавший померяться силой с ним. Это была честь — принять его внимание и его семя в себя. О таком не говорили на каждом углу, но и не порицали — женщин мужчинам-воинам никогда не хватало, да и где их взять в многодневных переходах от битвы до битвы.

Со Стивом ему хотелось сцепиться совсем по-другому. Не мерясь силой, ничего не выясняя, не подминая собой, снова насильничая. Соединиться руками, плотью, губами. Так, чтобы никто не разнял.

У того же Брока глаза были тёмными, едкими, как сок чистотела. Это были глаза воина и убийцы. Но глаза Стива были прозрачным весенним ручьём, обещанием, данным с лёгкостью, чистой ледяной водой, смывающей с души Баки все печали и тоску, тяжёлые мысли, которые ходили по кругу: о далёком родном северном крае, об отце и матери, о брате. Возможно, тот за зиму нашёл себе достойную жену и уже наследует отцу, пока он здесь прозябает... Да и живы ли все, здоровы? Но стоило Стиву только посмотреть на него прямо, с едва заметной улыбкой на мягких губах, как Баки забывал обо всём. И гореть начинало уже его тело. Иногда ему приходилось до резкой простреливающей боли сжимать себя между ног, чтобы успокоить плоть. Просто потому, что больше ничего не помогало.

Наступил и тот день, когда совсем вскрылось ото льда лесное озеро, в котором однажды Баки

так и не смог утонуть. Стив начал собираться к омовению с самого утра, достал пучок сухих трав и глиняный горшок, как он объяснил, с щёлоком. Приготовил для себя рубаху и длинный отрез полотна, которого прежде Баки не видел.

— Далеко ли собираешься? — спросил он, в то время как волчата, чувствующие настроение обоих, вились и прыгали вокруг по поляне.

— Пора искупаться, лёд сошёл, — ответил Стив, не поднимая на него глаза, неловко и торопливо складывая всё в одну кучу и пытаясь обвязать льняным отрезом. — Только ты за мной не ходи.

— Думаешь, мне искупаться не нужно? Отмыться от зимней грязи? — непонимающе спросил Баки, а в груди уже ошалело колотилось сердце.

— Придёшь, когда я закончу, — ответил Стив и вдруг поднял голову, посмотрел в глаза. — Не нужно, Баки, не ходи за мной.

И хотя Баки собирался пререкаться до последнего, от прямого взгляда слова застряли в горле и не просочились наружу. Он хотел бы видеть, как друид, обнажённый, трясущийся от холода, будет омываться и тереть себя пучком сухой травы. Но он и так видел его без одежды довольно часто. Не говоря о том, что приходилось почти каждую ночь приходиться к нему под шкуры и согревать в самый тёмный и холодный предрассветный час. Но теперь Баки просто боялся за него. Друид довольно уверенно ходил, хоть ещё и не вернул полную силу своему телу. Но как его ослабшие ноги поведут себя в ледяной воде, Баки не мог предположить.

И он не пошёл. Сдержал слово. Выждал, пока в очаге сгорит недлинная берёзовая ветка, осыпется мелкими уголёчками, поднял для себя чистую же рубаху и свистнул волков. Он не собирался оставлять друида одного надолго. Не хочет тот с ним мыться в одном озере — не нужно. Но и просто ждать у землянки Баки не мог. Внутри уже крутило беспокойство. Казалось, друид ушёл к озеру вечность назад.

Тропа, довольно сухая осенью, сейчас чавкала под ногами: поляна вокруг землянки давно просохла, купаясь в солнце, но в лесу снег задержался надольше и стаивал медленно, оставляя после себя долго высыхающие лужи. Баки порой проваливался до середины голени в хлюпающую ледяную грязь, но упрямо выбирался и, тихо посвистывая волчатам, шёл дальше. Тут, под сенью ещё голых ветвей, было холоднее, но горько-сладкий запах набухающих почек и мокрой земли дурманил до головокружения. Вовсю щебетали и цвенькали птицы, белки перепрыгивали с ветки на ветку, и если бы была с собой праща вместо ножа, Баки сбил бы парочку из них на похлёбку.

У одного толстого берёзового ствола он остановился, словно кто за руку дёрнул. От дерева шло околдовывающее ощущение жизни. Баки не удержался и расковырял ножом глубоко один из наростов на коре, добрался до белой древесины, пока оттуда не засочился прозрачный берёзовый сок. Баки припал губами, несколько раз сплюнул попавшие в рот щепки и снова приник, жадно сглатывая сладковатые свежие капли. Если бы у него был топорик и горшок, он

набрал бы сока и для Стива.

Долго лакомиться не стал — его тянуло вперёд, к озеру. Да и волчата поскуливали у ног, пытались грызть слишком толстое для них дерево, соскальзывали и щёлкали от обиды зубами. Баки обтёр рот и ухмыльнулся: наверное, они думали, что дерево можно есть, раз вожак может. Бестолковые щенки.

Он заткнул отверстие щепой, чтобы вернуться к нему в следующий раз уже подготовленным и набрать побольше, и пошёл к озеру.

Сложным было не остаться незамеченным, а остаться незамеченным, и при этом хорошо видеть Стива — иначе зачем он тут? Баки выбрал густые заросли на противоположном берегу, сбоку, чтобы не привлекать внимание. Шикнул щенкам, схватив их по очереди за холки и заставляя улечься на жухлую прошлогоднюю траву, прилёг сам и стал смотреть, затаив дыхание.

<http://erolate.com/book/3459/83639>